

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. О. КОСВЕН

СЕВЕРОРУССКОЕ ПЕЧИЩЕ, УКРАИНСКИЕ СЯБРЫ И БЕЛОРУССКОЕ ДВОРИЩЕ

В 80—90-х гг. прошлого века внимание ряда русских историков привлекла к себе оригинальная форма крестьянского землевладения, существовавшая в прошлом на русском Севере под названием печища, у украинцев — под названием сябров и у белоруссов — под названием дворйща. Исследование этих форм землевладения, представляющих собой одновременно и формы поселения, привело к значительным результатам, но в ряде отношений осталось все же недостаточным. Не только недостаточным, но иногда и неверным оказывается решение вопроса об общественно-исторической сущности данных форм. Этот именно вопрос преимущественно мы имеем в виду рассмотреть.

Передадим прежде всего вкратце основные черты названных местных форм в том виде, в каком эти формы были описаны и охарактеризованы.

Изучая документы XVI—XVIII вв., относящиеся к Архангельскому краю, А. Я. Ефименко нашла, что в ту пору основным типом сельского поселения было печище — село, состоявшее из нескольких родственных семей-дворов¹. Существование в том же крае небольших деревень, состоящих из двух-трех и более дворов, все члены которых носят большей частью одну фамилию, отметил и П. Сергеев уже для XIX в.² Таким образом «печища» — села, состоящие из небольшого числа родственных дворов, существовали и сохранялись в Архангельском крае на протяжении ряда веков и вплоть до 70-х гг. XIX в.

Согласно другому указанию Ефименко, термин «печище» употреблялся в тех же местах в новое время уже в ином значении: «Теперь, — писала Ефименко, — печище в Архангельской губернии чаще всего обозначает деревню в нашем смысле слова, т. е. в смысле совокупности угодий, тянущихся к населенному месту, иногда нескольких деревень, имеющих общее землевладение». Отметим еще указание С. А. Приклонского на существование на Севере деревень, состоящих из 3—4 домо-

¹ А. Ефименко, Крестьянское землевладение на крайнем Севере, «Русская мысль», 1882, 4—5; перепечатано в книге: А. Ефименко, Исследования народной жизни, вып. 1, Обычное право, М., 1884.

² П. Сергеев, С севера (Очерки общинного владения в Архангельской губернии), «Дело», 1880, 4.

хозяйств, составляющих каждая особую себру. Этот автор, однако, не говорит о родственном составе таких деревень, а «себрами» называет «товарищества из 3—4 домохозяйств для совместных земледельческих работ»³.

Характеризуя особенности землевладения исторического печища, Ефименко писала: «Старая северно-русская деревня представляла собой поземельное целое, разбитое на доли. Каждый деревенский совладелец, или двор, имел право на известную долю этого целого. Не определенный участок земли принадлежал тому или иному двору, а право на выдел известной доли из каждого поля, каждой пожни, каждого угодья, входящего в район деревни. Отсюда вытекала необходимость передела или уравниения: если деревенский дольщик находил, что земля, которой он пользуется, не представляет собой величины той идеальной доли, на какую он имеет право, он мог требовать, чтобы земля была переделена и уравнена. С этой стороны старая северно-русская деревня представляет собой типичные черты общинного склада; но зато с других сторон она очень уклоняется от того, что мы привыкли связывать с понятием поземельной общины. Деревенский дольщик был полным собственником своей доли: если его права собственности и подвергались ограничениям, то эти ограничения не вытекали из организации поземельного владения. Он мог покупать и продавать, завещать и наследовать, отдавать и получать в приданое, мог дробить и даже разрывать на куски свою долю. Естественно, что при этом условии не могло быть равенства в поземельном владении — этого безусловно необходимого элемента поземельной общины». Несколько дополняя и разъясняя эту характеристику, Ефименко в другом месте той же своей работы писала: «Печище, дробясь и делеясь, все-таки продолжало смотреть на себя, со стороны поземельных отношений, как на целое, до дележа — простое, после дележа — сложное. Каждый участник дележа получал не определенный кусок земли, который бы он мог выделить из целого, а лишь право на известную долю в каждом из лоскутов, полей и угодий, входящих в деревню... Двор был настоящим собственником своей доли: мог распоряжаться ею по произволу, лишь с теми ограничениями, какие проистекали из права выкупа, принадлежащего родственникам и деревенским совладельцам». Беря за основу указанные особые черты землевладельческих отношений северо-русского села — печища, Ефименко предложила называть эту «особую поземельную деревенскую организацию... за неимением соответствующего научного термина, долевым организацией, долевым владением».

Что касается происхождения этого архаического печища — села в несколько дворов, то, по мнению Ефименко, оно представляло собой результат раздела одной семейной общины, в свою очередь именовавшейся в старину «печищем», а возникновение данной формы Ефименко относила к эпохе распада родового строя и одновременно распада семейной общины. «Описанная нами... деревенская поземельная организация, — писала Ефименко, — была общим типом старой русской поземельной организации (по крайней мере для Новгородского района), выросшим на развалинах той последней стадии родового быта, которая называется у юго-западных славян задругой, а на Севере — печищем». С другой стороны, Ефименко считала эти семьи-печища единицами колонизации Севера: «Финский север, — писала она, — колонизовался семейными союзами, соответствующими сербской задруге». Таким образом та же семья-задруга была, по Ефименко, начальной общественной формой русских колонистов: «Начало достоверной истории, — писала она, — застает на Севере господство задружной формы как в семье, так и в организации поземельной собственности».

³ С. А. Приклонский, Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 48—49

Несколько иной, но по существу все же весьма близкий сейчас приведенному, взгляд на происхождение печища высказал В. И. Сергеевич. Сергеевич отверг уподобление бывшего русского крестьянского двора югославянской задруге, считая, что это было по общему правилу и преимущественно хозяйство малой, индивидуальной семьи⁴. Одновременно Сергеевич считал однодворное поселение начальной формой поселения русского крестьянства. «Первоначальная деревня,— писал он,— есть не что иное, как отдельный пашенный двор с хозяйственными постройками и принадлежащей к нему землей», и т. д.⁵ В соответствии с этим взглядом Сергеевич происхождение архангельского печища выводил обязательным образом из однодворного поселения. «Деревня в один двор,— писал он,— есть деревня, принадлежащая хозяину двора. Деревня в два-три двора есть деревня второго поколения хозяина деревни в один двор. Сыновья первого хозяина деревни в один двор селятся, конечно, тут же рядом. В новгородских писцовых книгах есть деревни в три, четыре двора, которые носят наименование от личных имен: Иванова деревня, Афанасьева и пр. Это деревни родственников. Оне-то и носят в XVIII веке (а может быть и ранее) наименование «печищ»⁶.

Точно такой же взгляд на начальную форму поселения русского Севера высказал, последовав за Ефименко и Сергеевичем, М. М. Богословский. Указав на малодворность русской северной деревни XVII в., Богословский заключал: «Первоначальной и типичной (подчеркнуто нами.— М. К.) деревней на севере была деревня однодворка, т. е. именно двор с принадлежащими к нему угодьями»⁷.

Тема и тезисы А. Я. Ефименко были впоследствии вновь развиты М. Островской, сосредоточившейся, впрочем, преимущественно на вопросе о разложении долевого владения. Чего-либо существенного для характеристики самого печища Островская не дала, но известное значение имеет собранный этой исследовательницей материал о сохранении права родового выкупа долей, представляющего собой пережиточное выражение бывшего родственно-коллективного владения. И Островская в свою очередь присоединилась к тезису об односемейном или однодворном поселении как начальной форме⁸.

Произведенные И. В. Лучицким исследования документов XVII в., относящихся к районам Полтавщины и Черниговщины, обобщенные в его работе, напечатанной в 1889 г., привели автора к выводу, что распространенной формой крестьянского землевладения было здесь в ту пору так называемое сябриное землевладение, представлявшее собой форму коллективного владения землей группой родственных семей-дворов. Лежавшее в основе сябриного землевладения начало кровной связи держалось, указывал Лучицкий, весьма стойко, несмотря на то, что сам этот порядок распадался и подвергался трансформации. Сябры составляли отдельный поселок, носивший патронимическое название. Характерной чертой украинских селений того времени была их небольшая величина. «В половине XVII в.,— писал Лучицкий,— крупных сел рассматриваемой области почти не было. Громадное большинство поселков состояло из 3—20 дворов, причем преобладающими были села из 3 до 7 и 8 дворами. А многие из них, как мы знаем, были заселены либо однофамильцами, либо «кревными» и... владели то совместно все, то отдельно каждая семья общими землями».

⁴ В. Сергеевич, Древности русского права, т. III, СПб., 1903, стр. 42, сл. в сноске стр. 65—66.

⁵ Там же, стр. 45.

⁶ В. И. Сергеевич, Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII века, «Журнал Министерства юстиции», 1907, 2.

⁷ М. Богословский, Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., М., 1909, стр. 146 и 161.

⁸ М. Островская, Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII веках, СПб., 1913.

Особенность украинского сябриного землевладения состояла в следующем. При коллективном владении общей землей каждый сябр или каждая семья обладали правом владения своей, выделенной ей, во остававшейся, говоря юридическим языком, идеальной, долей во всех угодьях владений сябринства, или, как гласят украинские акты, являлись владельцами определенного уступа, т. е. «участия» в этом общем земельном владении. Уступы эти подвергались время от времени переделу между отдельными сябрами. Уступ мог быть продан как всем сябринством, так и одной выделившейся из него семьей, как от сябра к сябру, так — впоследствии — и посторонним лицам, однако при условии общего согласия всех сябров, причем все это без того, чтобы последовало фактическое дробление общей земли и коллективного ею владения. Иначе говоря, уступалась и продавалась не сама земля, а лишь право владения и пользования в ее определенной части.

«Сябриное землевладение, — приходил к выводу Лучицкий, — было несомненно особой и оригинальной формой землевладения вообще, отличной и от чисто общинной (автор имеет здесь в виду русскую соседскую общину. — М. К.), и еще в большей степени от подворной формы. Своим возникновением оно было обязано распадению единой и цельной сложной семьи на отдельные группы семей или дворов, которые связаны были друг с другом общностью происхождения, кровным родством, представляя собой «род, племя», но при распадении сохранили общее владение землями и угодьями отчизными, дедизными и прадедизными. Земли эти, разбиваемые в некоторых частях своих на пайки, распределялись между группами в момент раздела поровну, а затем, с дальнейшим распадением групп, лишь пропорционально, соответственно доле «уступа» каждой вновь образовавшейся группы. Пайки эти не были постоянными неизменным владением той или иной группы, а переходили от одной к другой периодически путем переделов, и каждая группа имела право не на данную землю, а лишь на идеальную долю определенного размера во всех без исключения общих угодьях и землях»⁹.

Третья, аналогичная северо-русскому «печищу» и украинским «сябрам», форма поселения и землевладения — белорусское дворище — было впервые исследовано в 90-х гг. прошлого века одновременно А. Я. Ефименко и М. В. Владимирским-Будановым¹⁰.

Изучая формы землевладения Полесья (Пинского повета) по документам XVI в., Ефименко констатировала здесь дворищное землевладение, имевшее такой же долевой характер, как и описанное ею раньше северное. Самое дворище Ефименко характеризовала следующим образом: «Дворище, — писала она, — есть совокупность известного небольшого числа дымов», а именно — от 5 до 11. Несколько дворищ составляло село. Так, в одном приводимом автором примере село состояло из 7 дворищ. «Дворища, — указывала далее Ефименко, — были собственностью, как и северные деревни, «рода-племени», т. е. более или менее обширной группы ближайших родичей, иначе говоря — большой или задружной семьи... Отсюда патримониальные¹¹ названия дворищ». Констатируя уже преимущественно распадное состояние данной формы, Ефименко писала: «В известный период дворищное землевладение уже не было нераздельным землевладением большой семьи-задруги... дымы дворища были са-

⁹ И. Лучицкий, Сябры и сябриное землевладение в Малороссии, «Северный вестник», 1889, 1—2.

¹⁰ Первый исследователь западно-русского сельского землевладения XVI—XVII вв. — Н. Д. Иванышев не выделял данной формы (см. Н. Д. Иванышев, О древних сельских общинах в юго-западной России, «Русская беседа», 1857, 3; переиздано отдельно: Киев, 1863; перепечатано в книге: Н. Д. Иванышев, Сочинения, Киев, 1876, стр. 231—295).

¹¹ А. Я. Ефименко хотела, очевидно, сказать «патронимические»: патримоний (лат. *patrimonium*) — имущество, перешедшее от предков, наследство, то же, что слав. «отчина»; патронимия — название, образованное из собственного имени предка.

мостоятельными земельными хозяйствами», и ниже: «Дворищное землевладение было... землевладением маленьких групп, сначала только родственников, позже и не родственников»¹².

Констатируя в свою очередь существование в Белоруссии, в особенности в Полесье, в XVI в. дворищ, в ту пору уже распадавшихся, М. В. Владимирский-Буданов называл их «родовыми общинами». Дворище,— писал он,— «форма общинно-родовая, имеющая значительное сходство с хорватскою задругою». Дворище, указывал он далее, состоит из нескольких дымов, в которых живут отдельные семейства, на общей усадьбе, однако усадьба может быть и не общей. «В большинстве дворищ,— писал Владимирский-Буданов,— население их образовалось из родственников, из семьи, превратившейся в целый род».

Развернутое определение дворища Владимирский-Буданов формулировал следующим образом: «Дворищем (в смысле личного состава) называется общество лиц, связанных в главной своей части родовым единством, но допускающее примесь чужеродцев, имеющее одного главу (который обыкновенно дает имя дворищу) и членов, именуемых потужниками. Дворищем в объективном смысле называется участок земли,— усадебной, пахотной и угодий,— состоящий во владении одной группы лиц». Члены дворища иначе назывались также «поплечниками», «именниками», «братьями», «племенем», «родичами». Если все дворище не называлось по имени его живущего главы, то имело преимущественно патронимическое название. Дворище в приводимых автором примерах состояло из 6—8 индивидуальных семей, 11—12 лиц мужского пола. Земля дворища составляла его общую собственность. Если отдельные члены дворища переходили на жительство в другое место, то земля архаически оставалась в пользу оставшихся его членов, впоследствии — продавалась¹³.

Коснулся вопроса о дворище Ф. И. Леонтович в своей работе о крестьянском дворе в литовско-русском государстве. Отметив здесь распространенность хуторных форм поселений, Леонтович указал, что эти поселения архаически состояли из родственников, носивших одно и то же имя, однофамильцев, или, как они именуется в актах, «именников», также — «братьев», «племени» или «родичей». При этом Леонтович констатировал, что наряду с термином дворище в актах встречается термин пещище, а также,— главным образом в северной части литовско-русского государства,— и термин сябры¹⁴.

Общую характеристику белорусского дворища находим также в работе М. В. Довнар-Запольского о западнорусском крестьянстве в XVI веке. «Первичной общинной организацией» (в пределах литовско-русского государства),— писал Довнар-Запольский,— было «дворищное землевладение с семейно-родовым характером, или сябриное. Дворище, служба, могло быть достоянием или одной простой, или сложной неразделившейся семьи; тогда оно не составляло еще общины. Но с увеличением населения дворища чисто семейный его характер постепенно утрачивается. Определяются части общего владения (хотя бы в натуре и не выделенные), принадлежащие совладельцам; в дворище вступают приемные члены, сябры; из совладельцев дворища одни могли выделиться, другие — продать свои доли, третьи — приобрести имущество или землю на стороне, наряду с продолжением своего участия в дворищном сябри-

¹² А. Ефименко, Дворищное землевладение в Южной Руси, «Русская мысль», 1902, 4—5; перепечатано в книге: А. Ефименко, Южная Русь, т. I, СПб., 1905.

¹³ М. Владимирский-Буданов, Формы крестьянского землевладения в литовско-русском государстве XVI в., в книге: «Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая», под ред. И. В. Лучицкого, Киев, 1892, стр. 357—386.

¹⁴ Ф. Леонтович, Крестьянский двор в литовско-русском государстве, «Журнал Министерства народного просвещения», 1896, 2—4, 7, 10, 12; 1897, 3—4; см. в библиографии: 1896, 4.

ном хозяйстве. Образуется дворищная или сябриная община. Основой ее является общее пользование землей и общее хозяйство». Отметим еще из той же работы Довнар-Запольского его указание на то, что в описываемое им время «громадное большинство сел состояло всего из 1—3, редко более, дворищ»¹⁵.

В другой своей работе, о государственном хозяйстве Великого княжества Литовского, Довнар-Запольский, коснувшись вопроса о дворище, отметил следующие его черты. Семья разрасталась и некоторые ее члены выделялись «на свой хлеб» и получали свою «долю», однако земля оставалась общей, в общей собственности. Каждый сябр мог припахивать себе еще землю в лесу. «Долю» можно было продать, но родственники имели право выкупа¹⁶.

Таковы конкретные данные, характеризующие интересующую нас форму в ее проявлениях на русском Севере, на Украине и в Белоруссии.

Если каждому из трех образцов этой формы и свойственны некоторые исторические и локальные отличия и особенности, то нет никакого сомнения в том, что все они представляют собой по существу одну и ту же общественную форму, форму родственного в основе сельского поселения и одновременно — землевладения. Впервые М. М. Ковалевский в статье, написанной по поводу ранних работ Луцицкого о сябринам землевладения, высказал, что данный тип землевладения вполне соответствует той северо-русской «долевой собственности», о которой говорила Ефименко¹⁷. Впоследствии Ефименко, говоря о белорусском дворище, с одной стороны, повторила сближение Ковалевского, с другой стороны, отождествила дворище с северным печищем.

Подтверждение тождества описываемой нами формы в ее трех образцах составляет и то, что определяющие ее термины — «печище» и «сябры» — не являются только местными: как было видно, оба эти термина встречаются и на Севере, и в Белоруссии. Что же касается термина «дворище», то в нашем материале он в смысле формы поселения или родственной группы относится только к Белоруссии, вообще же говоря, известен русским письменным памятникам, в частности новгородским, начиная с XII века¹⁸, встречается и позже на Севере в смысле «дома», «двора» или «усадыбы».

Как было сказано, вопрос об общественно-исторической сущности описываемой формы получил недостаточное освещение. Наши исследователи, правда, скорее и не занимались этой стороной предмета, интересуясь преимущественно системой землевладения. Все исследователи правильно отметили тог, впрочем, достаточно явственно выступающий из материала факт, что перед нами здесь в основе родственная группа, вид родственного коллектива. Однако, какая именно это группа, какой вид, — в этом отношении все авторы отчетливого представления не давали, а подчас и делали прямую ошибку.

Ефименко называла печище и дворище то «родом-племенем», то «большой или задружной семьей», несмотря на то, что тут же определяла эти формы как «совокупность известного небольшого числа дымов», т. е. отдельных самостоятельных дворов-домохозяйств. Точно так же Луцицкий называл сябров «родом-племенем». Владимирский-Буданов

¹⁵ М. Довнар-Запольский, Западно-русская сельская община в XVI веке, «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, 7; в переработанном виде — в книге: М. Довнар-Запольский, Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке, Киев, 1905.— Цит. по этому позднейшему тексту.

¹⁶ М. Довнар-Запольский, Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I, Киев, 1901 (Оттиск из «Университетских известий» за 1901 г.).

¹⁷ М. Ковалевский, Общинное землевладение в Малороссии в XVIII в. «Юридический вестник», 1885, I.

¹⁸ См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам, т. I, СПб., 1893, ст. «Дворище».

называл дворища «родовыми общинами» или «целым родом», одновременно заявляя, что они имеют «значительное сходство с хорватской задругой». Наконец, Довнар-Запольский характеризовал дворище как имеющее «семейно-родовой характер».

Здесь сказалось существовавшее вообще в нашей старой литературе неотчетливое представление об общинно-родовых формах, в частности о семейной общине или большой семье, и смешение ее с родом¹⁹.

Отождествляя, таким образом, данную форму с семьей, наши исследователи одновременно выводили эту форму из размножения и разделения семьи. Так, Ефименко считала печище результатом раздела одной семейной общины, Владимирский-Буданов указывал, что дворище «образовалось из родственников, из семьи, превратившейся в целый род», Довнар-Запольский тоже относил возникновение дворища к разрастанию семьи и выделу из нее отдельных ее членов. Ковалевский в цитированной статье писал, что как сябры, так и печище стоят «в тесной связи... с нераздельной семейной общиной, являясь не более как производной от нее формой, формой, развившейся в эпоху ее разложения», еще раз отмечая далее, что сябры представляют собой «членов распавшейся на отдельные дворы семейной общины». Более удачно формулировал Лучицкий, что сябриное землевладение «своим возникновением... было обязано распадену единой и цельной сложной семьи на отдельные группы семей или дворов». Наконец, особо подчеркнутым образом выводил печище из начальной не большой, а малой семьи Сергеевич.

Таким образом, все авторы, касавшиеся этого вопроса, вели происхождение рассматриваемой нами формы либо из семейной общины, либо из размножающейся малой семьи.

Тогда как присущий исследуемой нами форме порядок землевладения (но не землепользования!) является в известных отношениях оригинальным, данная общественно-историческая форма, как родственный коллектив и территориальная единица — селение, имеет многие аналогии и представляется широко распространенной. Форма эта была нами описана на некоторых конкретных ее образцах и выделена под названием п а т р о н и м и и. На вопросе об этой патронимии нам приходилось уже несколько раз останавливаться²⁰. Констатируемая в ее пережиточном состоянии в современной этнографической действительности, патронимия вскрывается точно так же и в историческом прошлом многих народов. Все же, тема эта остается недостаточно освещенной конкретным материалом и недостаточно разработанной. Печище, сябры и дворище дают нам новые, весьма интересные исторические образцы той же формы, или патронимии, как мы будем ее называть.

Патронимия принадлежит родовому строю, но стойко сохраняется во многих случаях при сохранении первобытно-общинного уклада в классовом обществе. Патронимия образуется в результате размножения и сегментации, как мы предпочитаем в данном случае выражаться, семейной общины, или большой семьи, на такие же по существу большие семьи, первоначально меньшего размера, но с течением времени размножающиеся. На более поздней исторической стадии, с наступлением распада родового, а вместе с тем и большесемейного строя, семейные общины распадаются уже не на большие, а на малые, индивидуальные

¹⁹ См. об этом в нашей статье «Семейная община, К истории вопроса», «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», т. III, 1946, 4.

²⁰ См., в частности, наши статьи: «Семейная община, Опыт исторической характеристики», «Советская этнография», 1948, 3; «Патронимия у древних германцев», «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», т. VI, 1949, 4. О патронимии, пережиточно сохранявшейся в Закарпатской Украине, см. статью И. Ф. Симаненко, «Пережитки патронимии, брачные отношения у украинцев Закарпатской области», «Советская этнография», 1947, № 1.

семья. В том и другом случае каждая выделившаяся семья, будь то большая или малая, образует отдельное хозяйство, в особенности в потребительском отношении, однако, в силу экономической необходимости более крупной хозяйственной кооперации, выделившиеся указанным порядком родственные семьи, — на ранней стадии — сегменты семейной общины, представляющие собой большие семьи, на более поздней стадии — малые семьи, — одинаковым образом сохраняют в ряде отношений и в различных формах прочную связь между собой, образуя коллектив, который мы и именуем патронимией.

Подчеркнем, что следует особо различать образование патронимии из малой семьи, когда таковая размножается, делится и разделившиеся семьи в свою очередь сохраняют между собой связь. Эта форма образования патронимии является более поздней, вторичной, возможной естественно лишь тогда, когда существуют малые семьи, не говоря о том, что патронимия более раннего времени состоит из больших семей, патронимия более позднего времени — из малых семей.

Таким образом, совершенно ошибочно считать, как это делали Ефименко и Ковалевский, что формы, которые эти исследователи имели в виду, или, как мы их называем, эти патронимии, образуются только в эпоху полного распада родового строя. Образование патронимий составляет органический процесс, свойственный патриархальному родовому строю и сохраняющийся при сохранении соответствующего уклада. Неправильно также считать, что патронимия состоит всегда из происшедших от раздела большой семьи малых семей. Наконец, считать, что патронимия возникает обязательным образом из размножения малой семьи, — значит, опять-таки, относить вообще возникновение патронимий только к той эпохе, когда уже существовала малая семья, т. е. действительно к эпохе глубокого распада первобытно-общинного строя, либо стоять на позиции патриархальной теории и считать малую семью исконной общественной формой.

Патронимия, следовательно, представляет собой группу родственных семей, больших или малых, — это зависит от соответствующей исторической эпохи, в переходную эпоху — тех и других одновременно, — сохраняющих и поддерживающих хозяйственное, общественное и идеологическое единство. Патронимия является одной из родственных групп, свойственных патриархальному родовому строю, одним из тех концентрических кругов, которые образуют сложную структуру рода.

Элементами единства патронимии являются преимущественно — в области хозяйственной: коллективное землевладение и землепользование, коллективная собственность и на некоторые другие виды имущества, частично — коллективное производство, хозяйственная взаимопомощь; в области общественной: значение данного коллектива как общественной единицы, входящей при родовом строе в более широкую родственную группу, впоследствии — в соседскую территориальную общину, самоуправление, свой «мир», наличие особого выборного главы, особая общественная солидарность; в области идеологической — общий культ, особое кладбище и пр., наконец, общее патронимическое наименование. Патронимия архаически всегда локализована, иначе говоря, все члены данной патронимии живут в одном месте, все дома-дворы данной патронимии расположены смежно. Вся патронимия образует либо отдельный поселок, либо отдельную часть, квартал, улицу селения, состоящего в таком случае из нескольких патронимий. Патронимии обычно не велики, состоя из нескольких семей-домохозяйств, иногда — из нескольких десятков. В отдельных случаях большая патронимия занимает несколько поселков.

Все те элементы, которыми характеризуются в наших описаниях печище, сябры и дворище, входят в число указанных сейчас элементов патронимии, но далеко не все из нами указанных в этих описаниях пред-

ставлены. Не обратившись к первоисточникам, мы не можем судить, имеется ли возможность восполнить существующие характеристики печища, сябринства и дворища. Позволим себе, однако, высказать, что недостаточно отчетливое представление о данной общественно-исторической форме могло помешать нашим исследователям обратить на нее как таковую больше внимания и более полно ее представить, могло обусловить то, что ряд элементов, в первоисточниках представленных, от внимания ускользнул.

Суммируя те элементы, которые все же отмечены нашими исследователями, мы здесь имеем следующее.

Везде весьма стойко сохраняется родственный состав. Во всех трех образцах патронимия состоит из нескольких родственных семей, каждая из которых является в известных отношениях отдельной хозяйственной единицей, домом-домохозяйством, «двором», или «дымом». Размеры всех наших образцов патронимии не велики и более или менее одинаковы. Как гласят наши показания, печище состояло из двух-трех и более дворов, сябры составляли группу из 3—20 дворов, причем преобладающим числом дворов было от 3 до 7—8, дворище — от 5 до 11 дымов, во Ефименко, или от 6 до 8, по Владимирскому-Буданову. Эти группы семей-дворов составляли везде преимущественно отдельный поселок. Такое именно небольшое поселение составляло, по Ефименко, основной тип поселения Севера в XVI—XVIII вв., о преобладании таких именно отдельных небольших сябриных поселков на Украине в XVII в. говорит Лучицкий, и лишь дворища, наряду с такими же однодворищными поселками, образовывали и другой, нам в свою очередь знакомый, тип поселения, в котором несколько дворищ составляли село, т. е. дворища были в селе отдельными его частями или кварталами: по Довнар-Запольскому, в XVI в. громадное большинство сел состояло из одного-трех, редко более дворищ; в одном примере, приводимом Ефименко, село состояло из 7 дворищ. Между прочим, интересный и существенный вопрос, были ли эти соединенные в одном селе дворища между собой родственными, как это встречается во многих этнографических примерах, остается неосвещенным.

Что касается наличия в соответствующие эпохи в районах распространения печища, сябров и дворища поселений, состоящих не из патронимии, а из одной семьи, однодворных, то, при недостаточной и в этом отношении отчетливости существующих показаний, все же стоит вне сомнения, что такие поселения-хутора были лишь исключениями, и даже редкими исключениями.

Общественное единство наших патронимий прямо определялось тем, что они составляли по общему правилу отдельный, следовательно, так или иначе иначе самостоятельный поселок, и это же должно было оставаться их принадлежностью, когда они образовывали отдельный квартал. Лишь единственное указание Владимирского-Буданова, относящееся к дворищу, говорит, что таковое имело своего главу.

Идеологическое единство всех этих патронимий выражалось в том, что все их члены носили одну фамилию, либо патронимия носила патронимическое название. В частности, дворище называлось по имени того живущего главы, либо патронимическим вообще названием, т. е. по имени более отдаленного предка.

Будучи, как по своему происхождению, так и по своему основному существу и по своему основному составу, родственными коллективами, исходя к родовому строю, все формы, о которых идет речь, в ту эпоху и в том их состоянии, которое освещается историческими источниками, находились уже в состоянии глубокого распада. Это объясняет то обстоятельство, что печище, сябры и дворище, состояли, повидимому, уже преимущественно из малых семей. Это же выразилось, в частности, в том, что эти коллективы теряли уже свой чисто-родственный характер и в от-

дельных случаях имели в своем составе и не родственников. Таким образом они превращались из родовой группы в соседскую.

Термины, которыми обозначаются первобытные общественные группы, обычно довольно выразительно определяют сущность этих групп. С другой стороны, весьма не редко термин, обозначающий меньшую группу, переносится на группу более широкую, происходящую от размножения первой, причем тогда одним и тем же термином обозначаются разные группы. В наших примерах мы имеем п е ч и щ е — термин, принадлежащий к распространенному виду обозначений семейной общины со стороны ее хозяйственно-потребительской сущности, перенесенный на более широкую родственно-хозяйственную общину — патронимию. Мы встречаемся здесь и с перенесением данного термина на еще более широкий коллектив — село или соседскую общину по тому признаку, что этот новый коллектив в известной мере сохраняет основной элемент прежнего объекта данного термина — коллективное владение землей и некоторые другие элементы общинного начала. К тому же разряду терминов относится белорусское дворище, где двор является обозначением семейной общины, его производное — д в о р и щ е — более широкой группы — патронимии. Этимологическое значение термина с я б р ы (себры, шабры), как известно, спорно. Повидимому все же, первоначальное значение этого общеславянского термина — родственное, имеющее в виду семью, одновременно — домохозяйство, дом. Таким образом, мы имеем и здесь перенесение термина с основной родственной ячейки на более широкую родственную группу, а затем на группу, связанную иной, территориальной и хозяйственной или только хозяйственной общностью, откуда новые, позднейшие значения: сябры — «соседи», «соучастники», «пайщики».

Единственная сторона печища, сябринства и дворища, освещенная более подробно, — это землевладение, составляющее в сущности основную тему исследования наших авторов. Все же, и эта сторона описана недостаточно, в частности не уделено должного внимания, наряду с земледелием, и землепользованию. А без уяснения порядка землепользования и вопрос землевладения остается освещенным далеко не полно.

Коллективное землевладение и землепользование составляет одну из основных принадлежностей патронимии. При этом, архаически патронимия в целом не только коллективно владеет всей землей, во всех ее видах, но и коллективно же эту землю эксплуатирует. Затем, в процессе распада первобытно-общинных отношений, в коллективном владении и пользовании остаются в конечном счете лишь некоторые уголья, пахотная же земля в особенности, а затем сенокосы, выгоны и пр. переходят отдельными наделами в частную подворную собственность. Оригинальную сторону землевладения наших образцов патронимии составляет порядок, названный А. Я. Ефименко «долевым владением», состоящий, однако, преимущественно в принадлежащем отдельным семьям-дворам праве продажи своих идеальных долей, «уступов». Это — несомненно оригинальная форма соединения коллективной собственности с частной собственностью, оригинальная разновидность того свойственного истории собственности переходного состояния, которое В. И. Ленин назвал «компромиссом между общинным и частным землевладением»²¹. Такое юридическое построение права собственности и распоряжения идеальной долей общего имущества — института, свойственного лишь высокоразвитым правовым системам, представляет собой замечательное проявление народного правотворчества. Но и эта сторона дела охарактеризована нашими исследователями, нельзя ска-

²¹ В. И. Ленин, Конспект книги К. Каутского «Аграрный вопрос», «Ленинский сборник», XIX, стр. 31.

зать, чтобы вполне отчетливо, что сказалось на тех формулировках данного порядка, которые были нами приведены.

Для нас, впрочем, важно только отметить, что оригинальный порядок землевладения, существовавший в наших образцах патронимии, отражая уже распадное состояние, ярко свидетельствует о былом полном коллективизме землевладения, равно как вероятно и землепользования, и о замечательной устойчивости коллективного землевладения, вместе с устойчивостью самой патронимии и ее уклада. Частными пережитками коллективного владения являются здесь в свою очередь широко распространенные порядки, свидетельствуемые и нашими описаниями: требование общего согласия всей патронимии на продажу земельной доли, принадлежащее родичам — членам патронимии право предпочтительной покупки (*ius preemptionis*), равно как и право выкупа, так называемого «родового выкупа», доли, уже проданной постороннему.

Говоря о возникновении исследуемых нами конкретных форм патронимии и ведя это возникновение от семьи, — большой ли или малой, — некоторые из наших авторов, прямо или косвенно, затрагивали вопрос о «первоначальной» форме сельского поселения, сводя эту форму к поселению одной семьи, однодворному. Этот мотив звучит у Довнар-Запольского, различающего архаическое или первоначальное двореще, состоящее из «одной простой или сложной семьи», и более определенным образом у Ефименко, которая, как это явствует из приведенных нами цитат, считала, что пещище в виде одной семейной общины или одного двора было первичным, создавшимся в процессе колонизации, типом поселения русского Севера. Особо подчеркнутым образом выразил этот взгляд Сергеевич, что, как было сказано, соответствовало общему взгляду этого исследователя на архаический тип поселения, а за Сергеевичем, с той же решительностью, и Богословский.

Этот взгляд на «начальный» тип сельского поселения представляет собой выражение широко распространенной, глубоко вкоренившейся и в старой русской историографии, своего рода теории «начальной» однодворной деревни. Не вдаваясь в разбор и критику этой, по нашему мнению, сугубо ошибочной теории, мы хотим здесь только указать, что теория эта во всяком случае не соответствует конкретным данным, содержащимся в материале о пещище, сябрах и двореще. Данные эти, извлеченные из показаний наших авторов, были нами с точностью воспроизведены. Речь идет здесь о поселениях, состоящих везде и всегда минимум из двух-трех дворов, т. е. не из одной семьи, одного двора, а из нескольких отдельных домохозяйств. Таким образом эти данные единодушно говорят о том, что в исследованных районах русского Севера, Украины и Белоруссии в XVI—XVIII вв. обычным типом селения было селение не односемейное, однодворное, а состоящее всегда из нескольких дворов, т. е., как мы бы выразились, патронимическое.

Правда, эти патронимические поселения были в ту пору невелики. Это обстоятельство объясняется тем, что в эпоху, к которой относятся наши данные, патронимия находилась в состоянии глубокого распада, семья была преимущественно малая, вследствие чего и патронимия в свою очередь не могла быть большой. Теми же обстоятельствами объясняется и наличие, наряду с патронимиями, однако, скорее в виде исключения, однодворных деревень, представлявших собой опять-таки свойственную тому же распадному состоянию, вообще говоря, широко распространенную форму отселков и выселков из патронимии. При толковании документов той эпохи необходимо также учитывать и общеизвестную относительность понятия и термина «деревня». Наконец, быть может, более близкое рассмотрение материала показало бы, что эти однодворки находились, во-первых, в тесной территориальной близости, во-вторых, в определенной связи либо между собой, либо со своей исходной патронимией.

Не говоря о перенесении этой «однодворки» в какую-то вне времени

«первоначальность», отнесение этого типа поселения к эпохе колонизации, помимо противоречия фактическим данным, не соответствует и общим условиям исторических колонизационных движений восточных славян. В эпоху, когда эти движения происходили, род уже совершенно распался, распалась и семейная община. В тяжелых условиях колонизации, при сравнительно низком уровне техники, малая семья была слишком слабой группой для создания на новых местах новых хозяйств. Требовались большие хозяйственные коллективы, которыми и были как раз патронимии. Таким образом, именно патронимиям можно скорее приписывать значительную роль в истории колонизации.

Во всяком случае, о чем бы ни шла речь у названных нами авторов, о каком-то вне времени «первоначальном», либо свойственном процессу и эпохе колонизации «типичном» поселении, мы не видим, из каких конкретных оснований исходили эти авторы, делая свой вывод о том, что это поселение было обязательно однодворным.